

ШТУДИИ

Зошенко

«ДОВОЛЬНО СВИНСТВО С ВАШЕЙ СТОРОНЫ»

Людмила Поликовская

К 110-летию со дня рождения М.М. Зошенко

Я подумал о своих рассказах, которые заставляли людей смеяться. Я подумал о смехе, который был в моих книгах, но которого не было в моем сердце.

М. Зошенко

В 20-х—начале 30-х годов прошлого века в стране, наверное, не было человека более знаменитого, чем Зошенко. Улицу Зодчего Росси в Ленинграде кондукторы часто объявляли как улицу Зошенко Росси. Фамилия писателя была гораздо более известна, чем почти вышедшее из употребления слово «зодчий». (Впрочем, есть версия, что именно от этого слова она и произошла — в древнем роду были и строители). По России бродили самозванцы — двойники, выдававшие себя за Зошенко и в этом качестве оболщавшие женщин. Те потом узнавали адрес писателя и предъявляли претензии. Однажды пришел счет из ресторана, о котором Зошенко, что называется, ни сном ни духом. Чья-то хулиганская выходка, но логика понятна — «А платить кто будет? Пушкин?». Почтальону, обслуживающему дом, где жил Зошенко, трудно было позавидовать — ежедневно он приносил килограммы писем. (Часть из них в 1929 г. Зошенко собрал в книгу «Письма к писателю»). Цитаты из его рассказов разошлись на поговорки: «родился ребенок как таковой», «по случаю своей красоты и молодости», «не для цели торговли, а для цели матери». Когда хотели кого-нибудь пристыдить говорили: «Ты прямо из Зошенко». Любопытно, что даже «прототипы» зошенковских персонажей зачастую так и сыпали его фразами: «Что ты нарушаешь беспорядок?», «Довольно свинство с вашей стороны», «Что же мне такое делать?»

«Я не собираюсь писать для читателей, которых нет»

В молодости он входил в литературную группу со странным названием «Серапионовы братья». Здесь, у «серапионов», расцвел его талант, здесь началась его слава.

Голодный, холодный Петроград, выстуженные дома, замерзшие чернила. Мороженая картошка, конина, вобла. Те, кто в честь отшельника Серапиона, называл себя Серапионовыми братьями, собирались в Петроградском Доме искусств — сокращенно ДИСК. Там, в здании уехавшего за границу купца Елисева, после революции было организовано общежитие для нуждающихся литераторов, художников, деятелей театра. В крошечной комнате писателя Михаила Слонимского —

«банке концентрированного табачного перегара» — каждую неделю встречались «серапионы». Они-то и были первыми — придиричивыми и доброжелательными — слушателями рассказов Зошенко, большинство из которых вскоре вошло в книгу «Рассказы Назара Ильича, господина Синябрюхова».

В последние дни 1921 года в маленьком петроградском издательстве «Эрато» «Рассказы Назара Ильича, господина Синябрюхова» вышли в свет. Наборщики читали их вслух, и вся типография смеялась до упаду. Книга появилась на прилавках — и Зошенко «проснулся знаменитым». Через год — 2-е издание, большим тиражом, в солидном издательстве «Эпоха». А в следующем году — уже четыре книги и множество рассказов в периодике. И не только в России, но и в Бельгии, на французском языке. В течение пятнадцати лет каждый год появлялись десятки его книг — солидные, в толстых обложках, и брошюры; иллюстрированные лучшими художниками того времени и совсем дешевые, на газетной бумаге. Многие выдерживали по несколько изданий. Журналы боролись за право напечатать его очередной рассказ. За десять лет после дебюта дважды вышло собрание сочинений. Лучшие декламаторы страны включали в свой репертуар его рассказы.

Ни один критик не сумел так точно и глубоко объяснить всенародный — от утонченных филологов до чернорабочих — успех Зошенко, как сам писатель.

«Я не собираюсь писать для читателей, которых нет», — сказал он в самом начале своей литературной деятельности. И постоянно повторял эту мысль — «...вся трудность моей работы свелась главным образом к тому, чтобы научиться так писать, чтобы мои сочинения были понятны всем. Мне много для этого пришлось поработать над языком». Язык Зошенко — находка для литературоведов и языковедов — «...язык, за который меня много (зря) ругали, был условный, вернее собирательный (точно так же, как и тип)». Лавры «красного Толстого» его не прельщали. «Мне хочется передать тип, который почти не фигурировал раньше в русской литературе», — говорил писатель. — Я взял подряд на этот заказ. Я предполагаю, что не ошибся».

Жизнь этого «типа» была совсем на похожа на жизнь «маленького человека», героя классической русской литературы. Социализм создал новый, коммунальный быт, где вечно сердито шипел чем-то недовольный примус и выходило из строя отопление, словно забавляясь мелкими страданиями жильцов.

Действительность то и дело напоминала о своем родстве с рассказами Зошенко. Корней

Иванович Чуковский вспоминает, как однажды шли они с Михаилом Михайловичем по улицам Ленинграда, и вдруг из окна выпала общипанная, обезглавленная курица. Тут же из окна высунулся человек и закричал отчаянным голосом: «Не трожьте куру! Моя!». Время было еще голодное, и писатели сочли своим долгом сохранить птицу до прихода хозяина. Он не заставил себя долго ждать, выбежал из подворотни, без шапки, схватил курицу и... вместе с ней вскочил на подножку трамвая. А через минуту — ястребом — налетел подлинный хозяин и стал кричать, что мазурик, похитивший курицу, — сообщник тех, кто охранял ее. Собравшаяся толпа присоединилась к этому мнению.

У Зошенко никогда не было желания просто смешить читателя. Он — свято — верил, что его рассказы служат улучшению нравов. Что когда-нибудь мешанство исчезнет, жизнь сделается достойной, подлинно культурной и что предпосылки для этого созданы. Дворянин по рождению, в молодости офицер царской армии, он никогда не жалел о прошлом, никогда не хотел уехать из советской России (хотя во время Гражданской войны судьба — через влюбившуюся в него француженку — предоставила такую возможность), не считал, что до революции люди были чище, что было меньше пороков. «Напротив, я хотел увидеть новую Россию, не такую печальную, как я знал».

А знал он и ту и другую Россию хорошо — к началу писательской деятельности у него был уже богатый жизненный опыт.

«Что же для вас самое главное в жизни?»

Отец писателя — Михаил Иванович Зошенко — известный художник-иллюстратор. Ему принадлежит мозаичная картина «Переход Суворова через Альпы». Эта картина и сейчас висит на стене Суворовского музея. В левом углу — зеленая елочка. Нижнюю ее ветку, по преданию, сделал Зошенкоребенок.

Дом в Петербурге, дача в пригороде — в Песках. Но, когда Мише было 13 лет, прямо на его глазах внезапно упал и умер от разрыва сердца совсем еще не старый отец. Благополучие семьи закончилось. На всю жизнь запомнилась юному Зошенко унижительная сцена: «Зима. Снег. Васильевский остров. Я с матерью иду по улице. Мы останавливаемся у двери, на которой медная дощечка: «Павел Петрович Чистяков». Я звоню. Дверь открывает швейцар. <...> Мы ждем очень долго. Я говорю матери: «Мама, давай уйдем». Мама

тихо отвечает мне: «Сейчас, когда папа умер, мы должны получить пенсию. А сколько мы получим, это будет зависеть от Павла Петровича». Проходит час. Наконец по лестнице спускается старик в черном сюртуке <...> Мама почтительно кланяется ему. И о чем-то брызгливо отвечает <...> Беседа продолжается три минуты. Мы уходим. Мама начинает плакать».

В 1913 г. он поступил на юридический факультет Петербургского университета. Но началась мировая война, и Зошенко ушел в армию. «Я служил в Мингальском полку Кавказской грендерской дивизии. Мы очень дружно жили. И солдаты и офицеры. В 19 лет я был уже поручиком. В 20 лет — имел пять орденов и был представлен в капитаны <...> Два года подряд я был на позициях. Я участвовал во многих боях, был ранен, отравлен газами. Испортил сердце. В начале революции я вернулся в Петроград. Я не испытывал никакой тоски по прошлому. За три года я пере-

менил двенадцать городов и десять профессий». Он был: милиционером, счетоводом, сапожником, инструктором по птицеводству, телефонистом пограничной охраны, агентом уголовного розыска, секретарем суда, делопроизводителем. Полгода снова провел на фронте в Красной Армии — больше больное сердце не выдержало. «Я должен был подумать о новой профессии».

Он начал писать в 6 лет — стихи. В 11 — первые рассказы. Но его гимназические сочинения оценивались всегда очень низко — не мог писать по трафарету, высказывать общеизвестные истины.

Жена М.Зошенко вспоминает: «В декабре восемнадцатого года он зашел ко мне, приехав на несколько дней с фронта, из Красной Армии <...> Я спросила его: «Что же для вас самое главное в жизни?». И была уверена, что услышу: «Конечно же, вы!». Но он сказал очень серьезно и убежденно: «Конечно же, моя литература».

Литература принесла и славу, и большие гонорары, и по-

клонение читателей. Те, кто не был знаком с Зошенко лично, представляли его себе веселчаком, душой общества, многие ходившие по стране анекдоты приписывались ему. Не только посторонние, но даже знавший его еще со времен «досерапионовой» юности Корней Иванович Чуковский сказал однажды: «Миша — вы самый счастливый человек в СССР. У Вас молодость, слава, талант и деньги. Все 150 000 000 населения страны должны завидовать вам». К тому, что перечислил К.Чуковский, можно добавить: красавица-жена, любимый сын, сумасшедший успех у женщин.

«...Был богат, но счастлив не был»

Он и сам был на редкость красив... но какой-то томной, печальной красотой. Лицо говорило о глубокой, постоянной грусти. Он никогда не смеялся (даже читая свои рассказы — что делал всегда неохотно).

Зошенко

ШТУДИИ

«Маленький рот с белыми ровными зубами редко складывался в мягкую улыбку» (В.Каверин).

На исходе жизни, вспоминая о годах своей славы, он скажет: «Я был богат, но счастлив не был». Причиной тому — отчасти — было физическое нездоровье. Он страдал тем, что современная медицина называет депрессиями, а тогда называлось ипохондрией или попросту хандрой. Приступы беспричинной, ужасающей тоски накатывались внезапно — и тогда он не мог писать, не хотел никого видеть, уходил из дома. Однажды друзья обнаружили его в мансарде фотографа на Невском. «Вторую неделю не бреется, — таинственным шепотом сообщил фотограф. — Сидит и молчит».

Но была и другая, не менее серьезная причина. Зошенко, наверное, был единственным человеком в стране (не считая некоторых присяжных критиков), которого не устраивало то, что пишет Зошенко. Читатели ждали от него «смешного», что-нибудь вроде того, как в бане сперли одежду (как в зачитанном с эстрады рассказе «Баня») или «аристократка» накинута в буфете на дороге пирожные (не менее известный рассказ «Аристократка»). А он уже с 1923 года начал писать повести — с другими героями, другим языком. Впоследствии они составили цикл «Сентиментальные повести». Если герои рассказов — «новые люди», по-хозяйски устроившиеся в коммунальных квартирах, то в «Сентиментальных повестях» герой — интеллигент. Один из них, дворянин Иван Иванович Белокопытов, когда-то даже давал деньги на революцию, жил за границей и добровольно вернулся в Советскую Россию. Но его знания здесь не нужны, а расталкивать локтями он не умеет. В результате ему не находится места даже в коммунальной квартире, и он живет в лесу, в землянке — скоро заведет зверем. А ведь ничего особенного не хотел Белокопытов — только самой простой человеческой жизни. Но гибель предreshена. Не спасут ни постоянная работа (если и найдется), ни даже яростная борьба за жизнь. Совсем не смешная, страшная повесть.

В каком бы жанре ни работал Зошенко, он всегда старался не закрываться в своем кабинете. Уже известным писателем он не брезгает ни заводской стенгазетой, ни многостраничной, ни ответами на письма читателей. В 1923 г. он участвовал в переписи населения.

«Я взял эту работу, чтобы увидеть, как живут люди. Я верю только своим глазам <...> я хожу по чужим домам. Я хожу по коридорам, кухням, захожу в комнаты. Я вижу тусклые лампочки, рваные обои, белье на веревках, ужасную темноту, мусор, рвань. Да, конечно, только недавно миновали тяжелые годы, голод, разруха <...> Но все же я не думал, что увижу то, что я увидел».

«Каторга! Какая благодать!»

Несмотря ни на что, Зошенко твердо верил, что со временем жизнь непременно улучшится и когда-нибудь все граждане нашей страны будут достой-

ными и счастливыми людьми. Не то чтобы он так уж доверял власти или строю, но он был убежден, что можно устроить жизнь на разумных началах, можно научить всех быть счастливыми, можно покончить с такими «пережитками», как бесчестность, воровство, разбой.

В 1933 году он вместе с группой писателей едет на Беломорско-Балтийский канал. Там осуществлялась идея «перековки» несознательных элементов. Заключенных, среди которых было много невинных, «перевоспитывали» тяжелым принудительным трудом. По материалам поездки была написана повесть «История одной перековки» — о том, как вор и прожженный авантюрист становится порядочным человеком и благословляет каторгу. Повесть сначала появилась в коллективной книге «Канал имени Сталина», вышедшей под редакцией Горького, а потом и отдельным изданием.

Странное впечатление производит этот текст, написанный вскоре после «Сентиментальных повестей». Там — гениальный художник, проникающий в самую суть происходящего, тут — советский недоумок, которому каждый «фраер» может навесить лапшу на уши. Удивительно, но и через 20 лет, будучи в опале, не стыдился он этой повести. Назым Хикмет, турецкий поэт, много лет проведший в тюрьме, спросил у него: «Зачем Вы участвовали в этой страшной книге? У нее даже корки напоминают мне сталь от наручников?» Зошенко ответил, что писал искренно, честно, пытаясь объяснить, какое доверие было ко всякому стремлению перековать старую жизнь, какой сладкой была та вера...

«...бодрый и горячий оптимизм»

Он был убежден: «Писатель обязан быть жизнелюбивым, духовно здоровым, братски расположенным к людям. Не ирония, не скепсис, но бодрый и горячий оптимизм. Иначе его писания будут клеветой на жизнь, искажением действительности».

И он задумывает книгу — «в назидание себе и людям», подобной которой еще не было в мировой литературе — «...с одной стороны, это сочинение <...> можно будет назвать художественным. А с другой стороны <...> это такое что ли научное сочинение, научный труд, изложенный, правда, простым, отчасти бестолковым бытовым языком, доступным самым разнообразным слоям населения. В этой книге будут затронуты вопросы сложные и даже отчасти чересчур сложные <...> такие вопросы, как, например, возвращение здоровья, свежести чувств и так далее, и тому подобное. А также будут затронуты вопросы о переустройстве всей нашей жизни, о капитализме и о социализме». Книга называлась «Возвращенная молодость».

Страдающий тяжелым душевным недугом, Зошенко погрузился в изучение физиологии, психологии, невропатологии и, как ему казалось, преуспел. Во всяком случае на какое-то время. И он решил

написать об этом книгу «не для того, чтобы пофилософствовать». («Я никогда не уважал такой бесцельной философии»), а затем, чтобы поделиться опытом с человечеством, научить других быть здоровыми и счастливыми, словом, быть полезным.

Как Гоголь, Толстой, Достоевский и другие русские гении, он считал, что единственно достойное дело — изменять и улучшать жизнь, стать «врачом», а не «болью». Когда К.Чуковский сказал автору «Возвращенной молодости», что его книга — произведение большого искусства, Зошенко обиделся. И Корней Иванович понял почему: «Он жаждал поучать и проповедовать, он хотел возвестить удрученным и страждущим людям великую спасительную истину, указать им путь к обновлению и счастью». Зошенко было неприятно, что его труд оценивают только по законам искусства, ему гораздо важнее было узнать, как отнеслись к его советам.

«Возвращенная молодость» — это книга не только о возвращении здоровья, но и об обновлении человечества — «Нынче, когда открывается новая страница истории, той удивительной истории, которая будет происходить на новых основаниях, быть может — без бешеной погони за деньгами и без великих злодеяний в этой области, нынче особенно любопытно и всем полезно посмотреть, как жили раньше», то бишь, не умея устроить жизнь на разумных началах, не зная достижений науки.

Следующая его книга — о том, как жили раньше. Она называлась «Голубая книга».

Раньше «то и дело правили какие-то кровавые царьки, какие-то в высшей степени, пещи знает, свирепые тираны. И все они, конечно, делали со своей публикой, чего хотели. Отрезали языки у тех, которые болтали не то, что надо. Сжигали на кострах. Кидали для потехи диким зверям и крокодилам. И вообще без зазрения совести поступали как хотели. И от всех этих дел публика, наверное, нравственно ослабла <...> с течением веков через это, может быть, произошли коварство, арапство, подхалимство, приспосабливаемость и так далее и тому подобное, и прочее». И так, причины коварства, арапства, подхалимства и пр. названы, и все они, слава богу, в прошлом. Правда, есть в книге и «новеллы из нашей жизни», такие, например, как «Свадебное происшествие» или «Забавное приключение», великолепно экранизированные режиссером Л.Гайдаем в его известном фильме «Не может быть», — улыбки, и тут прекрасные человеческие качества как-то не обнаруживаются. Но автор уверен: «открывается новая страница истории, той удивительной истории, которая будет происходить на новых основаниях, быть может — без бешеной погони за деньгами и без великих злодеяний в этой области». (До чего же грустно читать это в наши дни!)

О разуме и идиотизме

Он постоянно думал о том, как — с помощью разума — облегчить душевные муки. Таки хотел назвать свою следую-

щую книгу — «Повесть о разуме». Он работал над ней во время войны, когда страдание стало уделом миллионов. И он был уверен в необходимости и своевременности такой книги. «Это — антифашистская книга. Она написана в защиту разума и его прав», — говорил сам Зошенко.

Увы, партийное начальство считало иначе. В 1943 г. журнал «Октябрь» начал печатать эту книгу, под названием «Перед заходом солнца».

Но «кровавые царьки» из партийной верхушки приостановили публикацию повести. Началась травля писателя — «Антихудожественная и политически вредная повесть Зошенко чужда чувствам и мыслям нашего народа. Зошенко рисует чрезвычайно извращенную картину жизни нашего народа. Психология героев, их поступки носят уродливый характер».

Редакции журнала «Октябрь» предлагалось «в центре внимания поставить литературу общественно-актуальную, целеустремленную, отражающую героическую борьбу и труд нашего народа».

Но это были еще «цветочки». «Ягодки» посыпались в 1946 году. Когда грянуло постановление ЦК партии «О журналах «Звезда» и «Ленинград»». «Предоставление страниц таким пошлякам и подонкам литературы, как Зошенко, недопустимо», — гласила газета «Правда».

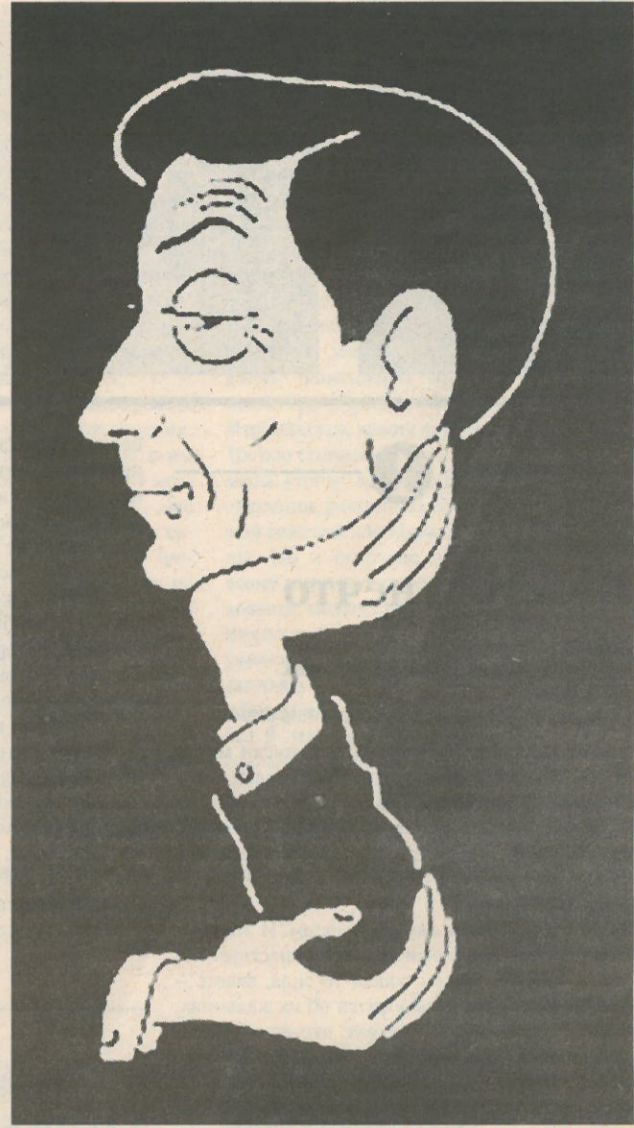
Через несколько дней на собрании писателей Ленинграда выступил глава ленинградской партийной организации Жданов. Свой гнев он обратил против рассказа Зошенко «Приключения обезьяны» — о зверьке, сбегавшем из зоопарка. Автор, заявил Жданов, вложил в уста обезьяне гаденькую отравленную антисоветскую сентенцию насчет того, что в зоопарке лучше жить, чем на воле и что в клетке легче дышится, чем среди советских людей.

Зошенко изгнали из Союза писателей. Он ждал ареста. Один из соседей по дому вспоминает, как, возвращаясь поздно ночью домой, он на площадке между четвертым и пятым этажом на низком подоконнике неизменно встречал Зошенко. Рядом с ним лежала котомочка. При первой же такой встрече в ответ на удивленный взгляд Михаил Михайлович пояснил: «Не хочу, чтобы это произошло дома».

Его перестали печатать. Жить было не на что. Квартиру пришлось поменять на меньшую, распродать все ценное, что в благополучные годы, по счастью, приобрела его жена, Вера Васильевна Зошенко. Обострилась душевная болезнь.

Друг Зошенко писатель Анатолий Мариенгоф, неожиданно зашедший к нему однажды, был поражен следующей картиной: «С большими ножницами в руках Михаил Михайлович ползал по полу, выкраивая из старого пыльного войлока толстые подметки для какой-то артели инвалидов. Не помню точно, сколько ему платили за сотню пар. Во всяком случае обед в дрянной столовке обходился дороже». А призванный помогать писателям Литературный фонд требовал вернуть ссуды.

Он вел себя с исключительным достоинством. Боясь подвести людей, сократил свои знакомства до минимума. Но

Михаил Зошенко. Дружеский шарж И.Игина

когда писатель Валентин Катаев подкатил к его дому в окружении раскрашенных красок и предложил вместе пропить «свободные» семь тысяч, с гордостью прокричав: «Миша, друг, не думай, я не боюсь. Ты меня не компрометируешь». Зошенко спокойно ответил: «Дурак! Это ты меня компрометируешь». Он никого ни в чем не обвинял. Не просил о помощи. Никогда не жаловался, не жалел ни о славе, ни о прежних заработках.

Он не прекратил литературную деятельность, хотя почти все написанное возвращалось с отрицательными отзывами. Друзья доставали переводы. В 1949 г. в Петрозаводске вышла повесть финского писателя М.Лассила «За спичками». Большая часть тиража — без фамилии переводчика.

После смерти Сталина Зошенко вновь приняли в Союз писателей. Его фельетоны стал печатать сатирический журнал «Крокодил», три рассказы опубликовал «Ленинградский альманах».

У Зошенко, как и у всей страны, появились надежды на лучшую жизнь, на восстановление справедливости... Но тут грянула новая беда. В Ленинград приехала группа английских студентов. Они выразили желание встретиться с Зошенко. Встреча состоялась в Доме писателя, в присутствии руководства Союза. Студенты спросили Зошенко, как он относится к докладу Жданова. И Зошенко ответил, что не может согласиться с обвинениями по его адресу. Начался новый этап травли. «До сих пор не сделал никаких выводов из постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград»» М. Зошенко. Факты последнего времени свидетельствуют, что М. Зошенко скрывал свое истинное отно-

шение к этому постановлению и продолжает отстаивать свою гнилую позицию», — писала газета «Ленинградская правда».

От этого удара он уже не оправился никогда. «За последние 15 лет меня застрашили. А писатель с перепуганной душой — это уже потеря квалификации», — написал он Корнею Чуковскому за несколько месяцев до смерти.

Здоровье все ухудшалось. Периоды глубокой апатии все удлинялись. «Зачем мне жить, если я не имею возможности писать так, как я хочу, как могу, как умею? А для чего без работы жизнь?»

Сын писателя рассказывал, что в предсмертном бреду отец бессознательно выталкивал изо рта кислородную подушку. Он умер не от болезни, а от того, что устал жить.

Ни одна центральная газета не известила о его смерти. Крошечный некролог в «Ленинградской правде» был подписан почти по-зошенковски: Группа товарищей. Гражданская панихида состоялась в том самом Ленинградском Доме писателя, где четыре года назад добивали последнего великого русского прозаика. Вокруг здания ходили милиционеры. Когда администрация дома возмущалась, их переодели в штатское. Похоронить Зошенко на Литераторских мостках в Ленинграде не разрешили. Гроб с телом писателя тайно — как гроб Пушкина — увезли в пригород Ленинграда — Сестрорецк.

Там, на местном кладбище, недалеко от моря, он и покоится.

Я требую памятников для Зошенко по всем городам и местечкам... Это не я требую — это Осип Мандельштам. Я могу только добавить: и издавать ежегодно — «летучим дождем брошюр».